

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕТОПИЯ

№ 1 (1),
ноябрь 2008 г.

Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем.

Марк Блок

В этом номере

Откуда есть пошла студенческая газета?

и как на этот вопрос ответили другие факультеты МГУ

Ольга Владимировна Томашевич
О Египте, о студентах, о жизни...

с. 6

Муза для историка
Неизвестная М.В. Нечкина

с. 12

Курсовые за деньги
В чем причины этого явления?

с. 9

Первый курс
Каковы мнения?

с. 14

Университетский архивъ
Каким был факультет 60 лет назад

с. 10

А также немного студенческого творчества и преподавательского юмора...

**Здравствуйте,
дорогие читатели!**

Вы держите в руках первый номер газеты исторического факультета "Студенческая летопись". Этот номер подготовлен усилиями нескольких студентов истфака, но, разумеется, не без помощи и поддержки наших коллег-преподавателей. Нас мало, не за горами сессия, да и на досуг время хочется выделить, но мы не пожалели его на создание этого небольшого и скромного пилотного выпуска.

Наша цель - не просто выказать свои мысли. Наша цель - заложить новую традицию истфака, традицию издания студенческой газеты. И мы верим в ее достижение!

Для кого-то издание газеты - работа, для кого-то - смысл жизни и призвание, а для кого-то - хобби. В этом номере мы попробуем выяснить, что такое студенческая газета. И начнем мы с рассмотрения периодических изданий МГУ. Сложно изобрести велосипед, когда уже сотни и тысячи таких же изобретений колесит по дорогам планеты. Поэтому мы и решили обратиться к опыту тех газет, которые предлагает взору читателя наша Alma Mater.

Но темой номера его содержание не ограничивается. Вас ожидает разнообразный и интересный материал - интервью с преподавателем, опрос мнений, публикация исторических материалов. Надеемся, номер покажется Вам небезынтесным и увлекательным!

Редакция

Возможности студентов-историков поистине неограничены. Они проявляются в том числе и в журналистике. Всем известная газета «Московский Университет», которую многие из Вас читали или хотя бы держали в руках, не исключение. Наши люди работают даже там!

Главная газета Университета

В «МУ», а именно так порой любовно называют газету «Московский университет» ее создатели, я попала целенаправленно. В один из обычных дней пришла с готовой статьей и большим желанием стать корреспондентом. В душе трепетало волнение, работать в газете хотелось давно, а тут как раз решалось, сбудется желание или нет. Редакционный секретарь побеседовала со мной, расспросила подробнее об увлечениях, учебе и целях, которые я преследую, придя в редакцию. Беседа продолжалась недолго. После чего (об этом я уже узнала позже) мою статью отправили для оценки главному редактору и спустя неделю, я увидела ее в очередном номере «Московского университета» с гордой подписью в конце «наш корр.». И понеслось...

Работа в редакции – это масса интересного. В обязанности корреспондента входит посещать различные мероприятия, так или иначе связанные с МГУ (здесь и конференции, и ярмарки, и фестивали, и концерты, и выставки), о которых потом представлять отчетные статьи. Однако писать можно и на вольные темы. С момента моего появления в редакции на страницах «Московского университета» все чаще стали появляться материалы о родном истфаке и жизни студентов-историков.

После сбора материала начинается следующий этап подготовки номера. Готовые статьи отправляются на рецензию корректорам, затем выпускающим редакторам, и наконец, доходит до главного редактора, который дает добро на отправку номера в печать.

Дружный коллектив энтузиастов – всегда источник неповторимых ощущений. Всякий раз редколлегия – это, прежде всего посиделки в теплой компании на верхних этажах ГЗ, откуда открываются неповторимые виды, где (возможно даже за чашкой чая) идет обсуждение будущих номеров. Порой можно и нагоняй получить от товарищей, что задерживаешь очередную статью, или того хуже: ночью получаешь на e-mail гневное письмо, и приходится сразу в потемках дописывать несколько материалов.

Помимо всего прочего участие в создании газеты Университета позволяет найти множество новых знакомых и друзей, как с других факультетов, так и со своего собственного. Долгое время я была увлечена прочтением статей одного парня, который, однако, упорно не посещал планерки. И вот однажды в конце весны мы пересеклись на очередной встрече. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что мы оба с истфака.

А, впрочем, если опустить какие-то общие вещи, то работа в редакции – это возможность приобщиться к внеучебной жизни Университета, повидать интересных людей, самореализоваться и заработать массу положительных эмоций от участия в создании газеты. Ведь журналистика – это не только для журналистов... **Ω**

*Рассказывала
Анастасия Чибисова (Ливдан)*

Но официальная газета университета - это официальный орган печати. Студенческая газета имеет иную аудиторию, иные цели, и иное содержание материалов. Какие же примеры студенческих газет нам удалось обнаружить в пределах Московского Университета?

Галопом по факультетам

Краткий обзор...

В последние годы в нашем университете немало групп инициативных студентов на разных факультетах собирались вместе и решали издавать газету. В большинстве случаев пыла издателей хватало ненадолго. Даже на университетском уровне подобные попытки проваливались - можно вспомнить никому не известную газету «Шпиль», которую издавал Студенческий Союз МГУ. Для этой цели в СтудСоюзе был создан специальный отдел, проводились еженедельные собрания, главным редактором была студентка журфака (казалось бы, вот все условия для развития идеи!), но напрасно. Номера выходили раз в полгода, материал ограничивался полуофициозным пересказом университетских мероприятий. Сейчас о газете «Шпиль» не слышно уже ничего.

Приблизительно год назад мой приятель, учащийся на юридическом факультете, принес мне газету «Юрский период». Весьма любопытное издание, скажу я вам. Еще тогда я подумал - а почему мы не можем? Истфак - не только читающий факультет. Истфак - еще и пишущий факультет! Многие студенты-историки любят выражать свои мысли - в устном или письменном виде. Почему бы не создать для этой цели газету?

Вот посмотрим, например, на тот же «Юрский период». Ныне это уже не газета, а журнал. Качество печати журнала находится на хорошем уровне - благодаря спонсорской поддержке выпускников факультета. Часть материалов носят официальный характер - объявления кафедр, новости о заседаниях Ученого совета (с публикацией его заявления), сообщения о делегациях, которые посещали в ближайшее время юрфак, конференциях. Но и студенческим размышлениям об учебе и отдыхе посвящено немало страниц. Одним словом, красивое издание, которое приятно поддерживать в руках.

В поисках аналогичных примеров я отправился путешествовать по территории университета. На социологическом факультете газету «Социум» я искал достаточно долго. «Газета для тех, кто умеет думать» - можно прочитать в подзаголовке на каждом номере. И, действительно, подумать есть над чем - на соцфаке проводится много регулярных конференций, выступлений, заседаний. Репортажи об этих событиях - приоритетное направление «Социума». Поразил меня и тираж газеты - от одной до двух тысяч (!) экземпляров. И, как мне говорили издатели, тираж оправдан - газета пользуется популярностью на факультете.

Одно из самых динамичных изданий в МГУ - газета факультета иностранных языков «Лингва». Мне повезло - зайдя в комнату Студенческого Совета ФИЯРа, я натолкнулся непосредственно на редакцию газеты, которая занималась «сборкой» только что отпечатанного тиража. Мне был вручен экземпляр, еще пахнущий типографским станком. «Лингва» издается уже около пяти лет, и за это время в составе редакции сменились многие поколения студентов. Люди приходили и уходили, а газета оставалась. «Лингва» ставит акцент на студенческой жизни - в газете почти нет официальной информации. В свежем номере я прочитал дневник студента военной кафедры, проходящего сборы, впечатления первокурсников о посвяте, размышления о советской мультипликации и рассказы о смешных случаях, произошедших со студентами ФИЯРа летом.

Вот таким было мое впечатление от беглого обзора студенческих газет. Мы не хуже других факультетов, мы умеем думать, размышлять и излагать свои мысли на бумаге. Поэтому газета истфака может не только существовать, но и вполне способна дать фору другим похожим изданиям. **Ω**

*Размышлял
Виктор Кириллов*

Немногие знают, что в 2002 году на нашем факультете уже была предпринята попытка наладить выпуск собственного периодического издания – газеты “Гистория”. Однако просуществовала эта газета недолго. За два года было выпущено всего два номера, после чего “Гистория” осталась лишь в памяти тех, кто участвовал в ее создании. Наш корреспондент **Анастасия Чибисова (Ливдан)** встретилась с одним из этих людей – **Андреем Юрьевичем Володиным**, который и рассказал историю возникновения на истфаке своей газеты.

История первой газеты

Идея создания собственной газеты постоянно витает в аудиториях. Желание создать газету для факультета – константа студенческой жизни (не только на истфаке, и не только в МГУ). Студентам всегда хочется самовыразиться и в том числе, конечно, “глаголом жечь сердца людей”. К сожалению, пока закрепиться на нашем факультете у такой идеи не получается. Действительно, 6 лет назад в руках у студентов появился первый номер студенческой газеты. “Гистория” – это по-гречески “история”, смысл названия предполагал, что газета будет рассказывать истории об истфаке в лучших традициях, так сказать, по-геродотовски. Предполагалось, что наполнять газету будут статьи студентов, которые напишут о том, что их волнует, будь то учеба, наука, литература, кино... кроме разве что политики, чтобы не разжигать бесконечные и бесполезные споры.

Созданием “Гистории” занималась группа из 10-15 человек, если считать не только авторов, но и активно включенных в проект участников. У нас были головы, компьютер, принтер и много энтузиазма, однако, к сожалению, пришлось столкнуться с рядом существенных проблем.

Во-первых, оказалось, что если человек соглашается написать материал, получить этот материал от него не так-то просто, потому что согласиться написать о чем-то не то же самое, что написать о чем-то. Очень часто написанное оказывалось интересным только автору и нескольким его друзьям, что вызывало трения в коллективе, если приходилось отклонять материал. Более того, авторы опасались поднимать серьезные и острые темы жизни факультета.

Во-вторых, аудитория газеты не такая уж большая, и поэтому многие новости распространяются быстрее в форме слухов из уст в уста, нежели путем печатного слова, а читать об уже известном не было интересно. Найти формат, который бы дополнил разговоры в столовой и коридорах не так-то и просто. Тем более что “Гистория” выходила, когда об Интернете знали, но пользовались им далеко не все студенты-историки, сегодня же еще труднее искать подобный формат, потому что общение в Интернете может быть гораздо более доверительным и полным, ведь никакое издание не заменит френд-ленту.

В-третьих, первые две трудности порождали третью – газета на факультете, если она выходит редко, то должна быть приурочена к чему-то (иначе, с чего бы ее читать?), поэтому мы выпускали номера на День историка, например, но тогда это не газета в полном смысле слова. Поэтому желательно, чтобы она выходила как можно чаще, но это слишком большая работа, для которой нужны постоянный коллектив из редакторов, большое число авторов и, в идеале, спонсор. Спонсор нужен для того, чтобы подкрепить энтузиазм первых номеров, а также помочь сделать газету массовой (50-100 экземпляров – явно недостаточно для факультета).

Именно из-за перечисленных выше трудностей, с которыми нам пришлось столкнуться, и прекратилось издание “Гистории”. А если быть совсем откровенным, то произошел переход аудитории во Всемирную паутину, и тогда мы сосредоточились на развитии Форума ТССИ (<http://forum.tssi.ru>), который тогда переживал эпоху расцвета и его читали и преподаватели и студенты, и мнение, высказанное на Форуме, имело значе-

ние, газета же не пользовалась такой популярностью.

Если же спустя несколько лет после тех событий вновь задумываться об идее создания на истфаке собственного периодического издания, честно говоря, я не очень верю в долгосрочную перспективу развития у такой газеты. Причины тому три: сложно создать работоспособную редакцию на пустом месте, потому что первичный запал быстро прогорает; сложно не превратиться в официоз, что приводит либо к информационному стилю, лишенному проблем, либо к излишне комплиментарному тону, лишенному собственного мнения; сложно конкурировать с интерактивностью Всемирной паутины – люди уже привыкли комментировать материал, а не только его потреблять.

Если бы меня спросили, какой формат мог бы сработать сегодня, то я бы предложил поэкспериментировать с ежедневным листком, где поздравляли ли бы студентов с днем рождения, обсуждали насущные проблемы, анонсировали события, писали бы отзывы о новых книгах и т.д. Я не уверен в обязательном успехе такого мероприятия, но успех может сложиться, если листок не превратиться в официоз и будет, с одной стороны, живо написан, а с другой стороны, качественно сверстан. В таком формате особой удачей были бы постоянные рубрики, скажем, по средам рецензия на новый фильм, а по четвергам рецензия на книгу. Но следует понимать, что это, действительно тяжелый труд, а саму газету станут воспринимать как что-то важное и осмысленное не раньше, чем через год. Ω

Немалое количество выпускников истфака работают сегодня в сфере средств массовой информации - в газетах и журналах, на радио, телевиденье, информационных Интернет-ресурсах. Мы решили опросить некоторых из них и узнать их мнение о нашей газете.

Журналисты – историки – историкам – студентам

Михаил ЗАХАРОВ, выпускник 2003-го года, шеф-редактор новостной службы информационно-аналитического канала «Полит.ру»

Факультетская газета – вещь, безусловно, важная. В Соединенных Штатах при освоении «Дикого Запада» еще до строительства первого дома переселенцы основывали газету и, зачастую, университет. Города еще нет, но его атрибуты – газета и университет – уже есть. Газета – часть любого социума, работает как инструмент обратной связи между студентами и администрацией факультета. Есть очевидная опасность на этом пути. Она касается иссякания энтузиазма у участников проекта. Скажем, проект «Приказано выжить», существовавший на истфаке в начале 2000-х, едва протянул год.

Еще одна – не опасность, но особенность, которую необходимо учитывать – содержательная часть факультетской жизни дает не слишком большой простор для будущих «акул пера». Вопрос, стоящий перед инициаторами проекта – как сделать подачу нехитрого материала интересной, важной, даже солидной, какие темы помимо факультетской жизни и истории как науки освещать.

Иван ГРИНЬКО, выпускник 2003-го года, к.и.н., член Союза журналистов России, телеканал НТВ+

К идее создания студенческой газеты на истфаке отношусь сугубо положительно. Во-первых, у факультета появится прекрасная возможность для постоянного диалога со студентами. События на соцфаке уже показали, что диалог между учащимися и учащими необходим для предотвращения кризисных ситуаций.

Во-вторых, у студентов будет возможность попробовать себя в СМИ, что, учитывая конъюнктуру современного рынка труда, никак не окажется лишним для выпускников истфака. Да и, по большому счету, историк от журналиста отличается лишь датируемками событий, так что они и в работе над газетой найдут практическое применение знаниям, полученным на факультете.

Вадим ТРУХАЧЕВ, выпускник 2004-го года, международный обозреватель, редактор портала «Правда.ру»

Студгазета – правильная вещь. Это такое же лицо факультета, как и наличие студентов и профессуры. Такая же, как футбольная команда или команда КВН. Последнего у нас, кажется, нет, и это прискорбно, но поправимо. Студгазета – такое же лицо, как капуста-ник на профессиональный праздник, в нашем случае – День историка.

Сейчас сам жалею, что в свое время не поспособствовал созданию такой в студенческие годы. Историки – люди, умеющие писать лучше журналистов, которые на своем факультете такую газету имеют. Языком историки владеют не хуже, а фактическим материалом – значительно лучше.

Студенческая газета – это трамплин в большую журналистику, в политологию, и даже, возможно, в большой бизнес, не говоря уже о большой науке. Если свой печатный орган у факультета есть, значит, о нем будут больше знать, и акции его выпускников будут выше котироваться на рынке труда.

Илья НОСЫРЕВ, выпускник 2004 года, специальный корреспондент журнала «РБК»

Факультетская газета – добрая вещь, если она служит интересам тех, для кого, собственно, создается – студентов и преподавателей. Такая газета в идеале должна информировать обо всем – от любых кадровых перестановок до ситуации в общагах (если таковые у учебного заведения есть). Все остальное – как бы факультатив, но чтобы газету читали, она, конечно же, должна быть интересной. В идеале нужно делать, наверное, нечто вроде «Сачка» (я имею в виду тон изложения и уровень). Правда, «Сачок» – исключительно студенческая (да и не факультетская) газета, а задача редактора факультетской – каким-то образом делать продукт, полезный не только для студентов, но и для преподавателей: довольно часто последние оказываются в ситуации информационного вакуума – высказаться публично негде, администрация не всегда прислушивается к их проблемам и предложениям. Ω

В гостиной «Студенческой летописи» Вы встретитесь с людьми, без которых невозможно представить себе истфак - с нашими преподавателями. О факультете, о науке, о жизни и о себе... Добро пожаловать в «Гостиную»!

Ольга Владимировна ТОМАШЕВИЧ:

“Хуже критика, чем я сама, у меня нет”

Ольга Владимировна Томашевич - кандидат исторических наук, доцент. Член Методической комиссии исторического факультета. Стипендиантка Фонда А. фон Гумбольдта. Окончила исторический факультет и аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию на тему “Становление и этапы развития культа древнеегипетской богини Нейт” (1983 г., науч. рук. доц. С.С.Соловьева). Работает на историческом факультете с 1975 г.

=====

- Здравствуйте, Ольга Владимировна!

- Здравствуйте!

- Без преувеличения можно сказать, что Вы - один из самых популярных преподавателей нашего факультета, в какой-то степени даже кумир для некоторых студентов. А в Ваши студенческие годы у Вас были кумиры среди преподавателей?

- Да, конечно, были. Что касается моего кумирства, мне кажется, что я значительной степенью им обязана той красивой ауре, которая окружает Древний Египет и всё, что с ним связано. А что касается моих кумиров, то, безусловно, мне очень повезло с учителями. Я хотела поступать именно на египтологию, и хорошо, что оказалась в Московском Университете, потому что я сначала в Питер ездила, узнавала об этой специальности, но набор в мой год был на Месопотамию. На кафедре у нас специалисты замечательные, и не только преподаватели - у нас всегда хорошие студенты, это большой плюс нашей кафедры. А что касается конкретных людей, то у меня был чудесный руководитель, Светлана Семеновна Соловьева, она совершенно дивный человек и очень мудрый руководитель. Древнеегипетский язык я учила в Институте востоковедения у Евгения Николаевича Максимова. К сожалению, его давно нет на этом свете, он очень молодым ушел из жизни, как Шампольон, можно сказать.

Когда я к нему шла на занятия, я уже проучилась год в университете, и начала колебаться, потому что отношения с Египтом были плохие (боялась, что никогда не увижу изучаемую страну). И Анатолий Дмитриевич Горский в семинаре по феодализму, и Александр Сергеевич Орлов меня сманивали на русский феодализм, и, честно скажу, почти сманили. Я пошла на египетский, чтобы, думаю, попробовать, чего я все-таки так хотела аж с шестого класса. И после первого же занятия иероглификой для меня уже не было никаких вопросов и никаких колебаний. Я себе сказала - ну, в конце концов, я женщина, пусть у меня не будет ни работы в этой области, ничего, но у меня в жизни будут вот эти 5 лет счастья с египтологией. Так что, конечно, Максимов и Соловьева были моими кумирами, да и остаются.

- Вы стажировались в Германии, читали лекции в зарубежных университетах. Каково это - быть ученым мирового уровня?

- Ой, мамочки, я себя, честно говоря, так бы не аттестовала. К счастью, я неплохо представляю мировой уровень. Мне довелось консультироваться у таких великих русских египтологов, как Юрий Яковлевич Перепелкин, Олег Дмитриевич Берлев; оппонентом на моей диссертации был Борис Борисович Пиотровский. Судьба одарила меня бесценным даром - дружбой с одним из крупнейших современных ученых Хансом Гёдиком. Это все заоблачные вершины: если бы вы хотя бы немножко видели, как я тряслась перед первой своей лекцией в Вене. Это было в далеком 88-ом году, причем кошмар ситуации был в том, что тогда еще только-только распахнулись "врата" на Запад, и я сильно подозревала, что австрийцы собрались посмотреть на "красную обезьяну", чисто из любопытства - посмотреть какая там вообще может быть египтология, в этой снежной России. Эта лекция была в университете, но пришли и сотрудники музея, и все на свете, полная аудитория. Перед первой я тряслась безумно совершенно, а ко второй меня вообще уже бил озноб на другую тему - ну, думаю, хорошо, они пришли на первую, даже похлопали мне (из вежливости, как вежливые европейские люди), но ко второй лекции любопытство уже удовлетворено, они могут больше вообще не прийти! Слава Богу, пришли. Знаете, мировой уровень, не мировой уровень... Хуже критика, чем я сама, у меня нет. Я сама себя могу погрызть так, что мало кто может с этим сравниться. Я себе в общем не очень нравлюсь. Поэтому я всегда рекомендую студентам свою работу отложить на месяц, подзабыть, и посмотреть на нее другими глазами. Если бы это было возможно, я без конца бы свои работы переделывала. Хотя бывает, мои работы мне нравятся... по крайней мере, некоторое время...

- Вы какое-то время работали в Школе юного историка при факультете. Кому сложнее преподавать - школьникам или студентам? И с кем сложнее общаться?

- Честно скажу, мне с детьми сложнее. Может быть, отчасти потому, что у меня просто меньше опыта общения с ними, хотя, в общем, свой сын дома вырос, но все равно. Но именно для меня, может быть, это сложнее,

потому что со взрослыми я могу спокойнее говорить своим языком, который, как некоторые студенты знают, не вполне академичен, хотя я, слава Богу, не выражаюсь (пока не было). А с детьми надо в этом смысле быть очень осторожными, потому что и со студентами иногда не вовремя подвернувшейся шуткой можно "захлопать" лекцию, а с детьми тем более, их можно просто утратить в хохоте.

- Многим кажется, что древняя история "размусолена" настолько, что там просто нечего изучать. Как Вам кажется, что нужно древней истории? Новые Шлиман и новые открытия? Новые подходы? Или, может, иной комплекс проблем?

- Я подозреваю, что "размусоленности" у нас нет ни в каком периоде, и вряд ли когда будет, потому что исторические источники абсолютно неисчерпаемы, к тому же, конечно, археология подбрасывает какие-то совершенно новые вещи. Мне кажется, что каждое время ищет в каком-то другом времени ответы на свои вопросы, и преимущество древней истории может быть в том, что это дальше от политики, и это позволяет более объективно взглянуть на многие вещи.

- Вы работали в Российской археологической экспедиции в Гизе. Думаю, бесполезно спрашивать, понравилось ли Вам в Египте. У Вас были мысли остаться там?

- Это такая мысль, которая, я знаю, некоторых моих коллег действительно...

- ...сгубила?

- Да! Не то чтобы сгубила, но ... это трудный вопрос. Мне очень нравится путешествовать по миру, видеть новые памятники, не только египетские, но мне кажется, я очень привязана к России, к Московскому Университету, к студентам, и Египет вряд ли мне все это заменит. Хотя, не зарекаются, любя... Более логично, наверное, было бы меня спросить, почему в Германии, я, например, не осталась. Когда я вернулась, меня поразило, что даже некоторые мои близкие друзья меня спросили об этом. Тоже нет. Прежде всего потому,

что здесь работа, здесь университет... И опять же - родной язык, это все очень важно для меня.

- Родной язык - это просто дело привычки, или чувство патриотизма?

- Это ни то и ни другое, это, наверное, то же самое, что меня с детьми ограничивает. Родной язык позволяет мне в наибольшей степени выразиться такой, какая я есть. На иностранном - ощущение чего-то нарочитого, как искусственная западная улыбка (особенно в Штатах насмотрелась на "приклеенные смайлы").

- Журналисты, писатели, кинематографисты часто спекулируют на тему проклятия гробниц, начиная еще с раскопок Говарда Картера 1920-х гг. А как Ваши коллеги-египтологи и как Вы лично относитесь к этой мистической стороне египетской истории?

- Даже коллеги-египтологи тоже могут спекулировать. Недавно был фильм про открытие гробницы Тутанхамона по телевизору, где выступали отечественные египтологи, и я вдруг с ужасом обнаружила, что они напустили мистики больше, чем достаточно. Но не хотелось бы абсолютно все переводить в грубую реальность. Определенный романтизм украшает любую науку. А то, что вообще есть в жизни вещи, которые можно назвать мистическими, то от этого трудно отвертеться. Я думаю, что все можно объяснить высокой сложностью нашей жизни, в том числе духовной нашей жизни, и так далее... вполне рациональным образом.

- Сегодня древнеегипетскую символику можно увидеть везде - в названиях, украшениях, плакатах. Что это - модная, но безграмотная, стилизация, или же стремление человека прикоснуться к тайнам прошлого?

- Я думаю, этому несколько причин. С одной стороны, это мода, но мода тоже ведь не спускается сверху ведущими модельерами. Если она имеет успех, значит, она отвечает каким-то запросам этого общества.

Если 18-ый, отчасти 19-ый век, был эпохой, когда в стилях царила античность, то вот уже 20-ый век в большей степени повернулся к Востоку. То, что многим нравится египетская символика, объясняется не только тем, что наши люди поехали в Египет, и видят не только египетские курорты, но и памятники, не только в этом дело. Если брать по-крупному, европейцы все-таки воспринимают Египет как свою, пусть даже не всегда осознанную, но прародину, потому что наследие древнеегипетской культуры, прошедшее через античность, переплавленное в ней, но сохранившее египетские черты, есть в Европе. Поэтому, с одной стороны, чувствуется некое наше родство с египетскими вещами, а с другой стороны, они не столь замыслены пока, определенная экзотика тоже привлекает современного человека, европейца. Но, согласитесь, что всегда можно прочертить такой водораздел между Востоком и Западом, все-таки люди воспринимают Египет не вполне как Восток. Когда мы говорим "Восток", мы думаем - Индия, Китай, вот это Восток в полный рост. Арабский, мусульманский Египет - это тоже, скорее, больше Восток, а вот Древний Египет - это наследие античной культуры, которой он был близок. И так как наша цивилизация основана на античной культуре, то поэтому он для нас близок.

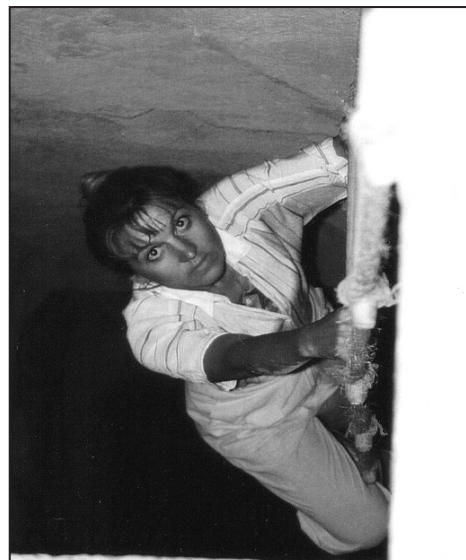
- Но древняя символика в искусстве несла глубокое смысловое значение. Сейчас же над этим мало кто задумывается. Например, если Главное здание МГУ отражало величие и мощь сталинской эпохи, то что можно сказать о нашем новом корпусе? Несет ли его архитектура, с Вашей точки зрения, какую-то смысловую нагрузку?

- Я думаю, что безусловно, несет. И назвать это здание непредставительным язык не поворачивается. Если чисто внешне сравнить его с нашим первым ГУМом, то оно все-таки более репрезентативное, скажем подходящим термином. Хотя для меня очень не хватает в Москве старого университета. Что мне очень нравится во многих городах Европы, например, в Праге, где Карлов университет, так это старинные корпуса, священные стены. А у нас и старое здание не такое уж старое, очень жаль, что в результате последнего ремонта часть внутреннего убранства утрачена. Ну, значит, нам надо больше думать о людях, а не о стенах, больше на них опираться. А, кстати, если говорить о нашем первом ГУМе, там смешные (чтоб не сказать дурные) рельефы на фронтоне, где даже были некоторые египетские иероглифы, вполне бессмысленные, в общем-то. Но в целом здание было не красивое. Это внешне, по крайней мере, смотрится лучше, хотя акустика ужасна.

- Религия Древнего Египта входит в область Ваших научных интересов. А она оказала влияние на Ваше собственное мировоззрение?

- Я думаю, что скорее мои личные данные вели меня к занятиям Египтом. Не только я выбирала профессию, она тоже в каком-то смысле выбрала меня (вот и из меня мистика поперла). Что, мне кажется, привлекало всегда к египетской религии, это, конечно, идея бессмертия и идея загробного воздаяния. Вот две великие идеи, которые значительно облегчают жизнь на этом свете.

- И которые, по сути, от египтян перешли остальным культурам?

О.В. Томашевич в погребальной камере египетского вельможи 26 в. до н.э. Гиза. Фото из личного архива.

- Во всяком случае, Египет в этом смысле сыграл очень важную роль в духовной истории человечества. Не случайно, что именно в Египте рождается монашество. Это очень интересный феномен, потому что как раз Древний Египет был страной, в которой, по идее, не должно было быть монашества, Древний Египет и аскеза - вещи несовместимые. И очень любопытно, что пройдя длинную-длинную свою историю, именно Египет породил монашество. Мне кажется, что в этом заслуга древнеегипетской религии. Хочется добавить что-нибудь хулиганское, вроде, "самой гуманной религии Древнего Востока".

- Ну, и в заключение, мне, как главному редактору, хотелось бы узнать Ваше мнение о появлении на истфаке студенческой газеты.

- Я думаю, это очень хорошо, особенно, если это не будет превращаться в какую-то формальность, потому что это очень важно и для сплочения студентов, и для неформального диалога с преподавателями, а он тоже нужен.

- Спасибо!

- Спасибо Вам! Ω

*Беседовал
Виктор Кириллов*

Б Л И Ц

Город?

Венеция, там тоже есть пирамиды.

Музыка?

Однозначно не скажу, орган и рок, больше тяжелый.

Кино?

Всякое хорошее, но не всегда авторское.

Историческая личность?

Наверное, Жанна д'Арк.

Цвет?

Синий.

Художественное произведение?

Самое большое впечатление произвело "Сто лет одиночества", боюсь перечитывать, чтобы впечатление не рухнуло.

Блюдо?

Жареное мясо.

Напиток?

Чай, красное вино.

Курсовые на заказ

Причины и следствия

глазами студента

Какой вид отчетности один из самых трудных на историческом факультете? Безусловно, это доклад или курсовая. За год студенту-историку кровь из носа необходимо написать две научные работы, без которых его не допустят к сессии. Одна работа - по отечественной истории, другая - по зарубежной. Соответственно одна из них (или все две, если сил и времени хватит) должна быть переработана в курсовую работу, а последующей защитой и выставлением оценки в зачетку. Так и живем. Фактическая цель этих работ - подготовить студента к написанию диплома, ибо система во многом схожая. Изучение источника, источниковедческий обзор, глубокая аналитика, почти "вживание" в проблему - все это обычно сопровождает написание доклада. Имеют место и отчаянные вопли вроде "Ну не знаю, что еще можно здесь написать!" или "Через неделю защита, а у меня даже источник не прочитан!".

Однако времена меняются, а мы меняемся вместе с ними. В прошлом году у нас были достаточно сложные семинарские занятия по истории зарубежных стран. Сложные в хорошем смысле слова. Благодаря им, наша группа относительно хорошо сдала экзамен. Да и в целом мы получили массу полезной информации, которая помогает нам при изучении и более поздних исторических периодов. Но было сложно. Естественно, непросто было и с написанием докладов. Говоря о себе, могу сказать, что успешная защита с первого раза стоила многих часов, проведенных в библиотеке, многочисленных правок и переделок (один раз пришлось почти полностью менять всю структуру работы) и нескольких нервных клеток на самой защите. Тем же самым "страдали" и другие. Но не все. Почему так произошло - тема для другого разговора. Как факт оставим следующее - я видел, что некоторые мои одногруппники просто физически не могут успеть сделать все в срок. Сделать достойно, хотя бы с минимальной надеждой на благополучный исход. Это было неприятно видеть, но помогать было поздно. Тем не менее, прочитав одну такую работу, от которой я не ждал ничего дельного, пришлось немало удивиться. Это был добротный доклад с неплохим слогом, концепцией и доказательной базой. Оформление также на высоком уровне. Но окончательно "добили" меня ссылки на иностранную литературу на языке оригинала. Нет, я всегда готов согласиться с тем, что у основной части студентов истфака большой потенциал, но почему-то так повелось, что в сутках всего 24 часа, из которых изрядная часть тратится на сон, еду и прочие вещи, сла-

бо связанные с учебной деятельностью. В итоге, мне пришлось лишь удивиться выдающимися способностями своих коллег и высказать самые хорошие отзывы на защите. Доклад был удостоен лестных отзывов преподавателя и был засчитан.

Через пару недель, абсолютно случайно, я узнал, что доклад был сделан за умеренную мзду третьими лицами. Это подействовало, как эффект ведра ледяной воды, вылитого на голову. Мы давно знали о подлобных "услугах". Однако все это казалось чем-то бесконечно далеким, глупым и недостойным внимания. Мало ли, кто что там делает... Но проявление таких "рыночных отношений" совсем рядом, среди тех, от кого этого не ждешь, показало, как глубоко это явление ушло корни в студенческом сообществе.

На первый взгляд, может оказаться, что ничего принципиально страшного нет. Еще со школы мы привыкли к списыванию домашней работы и чудесным книжкам с ГДЗ. Все это легко вошло в понятие нормы. Что такое купленный доклад? То же списанное домашнее задание. Только ценою подороже. Почему бы не предоставить возможность заработать людям, хорошо знающим своё дело? В конце-концов, деньги нужны всем, а какому-нибудь талантливому студенту, способному писать доклады в режиме конвейера и подавно. Он тренирует свои способности, упражняясь пером, да еще и деньги за это получает. "Покупатель" же получает избавление от лишней головной боли и массу свободного времени. Сплошные плюсы, куда не посмотри.

Но можно ли приравнять покупку доклада к банальному списыванию за деньги? Ответ этот не так прост, как может показаться. Начнем с того, что Университет это образовательное учреждение, кардинально отличное от школы и всего того, что с ней связано. Отлично и по целям, и по средствам их достижения. Именно Университет вносит в человеческую личность черты, которые в большинстве своем будут определять его дальнейшую судьбу. При этом среднестатистический студент обладает гораздо большим чувством ответственности и осознанности, чем среднестатистический школьник. Т.е. долго и методично вправлять мозги никто никому не будет. Человек предоставлен сам себе, только ему решать - ходить на лекции и семинары или нет, выполнять то или иное задание или "забить".

Помимо сугубо научных знаний, Университет (и в частности Истфак) дает навыки самоорганизации и ответственного подхода к делу. Когда дел много, а времени в обрез начинается... сначала паника, а потом более-менее разумная органи-

зация рабочего дня, без которой немислим красный или не очень диплом. Иначе специалист - не специалист. Что же происходит, когда в учебный процесс вторгаются "коммерческие отношения"?

Фактически он исчезает. Обладание деньгами становится универсальной панацеей от всех трудностей студенческой жизни. Отсюда - два главных печальных итога. Первое - это качество специалистов. Думаю, не стоит говорить, какие "образованные" и "талантливые" выпускники вольются в наше общество, ибо тут все очевидно. Так же очевидно то, к каким последствиям может привести заполнение рынка рабочей силы такими "квалифицированными" тружениками. Аналогия с болотом - самое безобидное, что приходит в голову.

Но, на мой взгляд, еще более неприятен другой итог этого неоднозначного процесса. То, что люди перестают решать поставленные перед ними задачи. Перестают по-настоящему бороться, чтобы решить их. К чему тратить свои силы и время, когда можно просто заплатить и все решится в самый короткий срок? Правильно, ни к чему. И к черту бессонные ночи вкупе с перенапряжением мозга! Есть в мире дела и поважнее... Постепенно человек твердо убеждается в мысли, что все проблемы легко и быстро решаемы с помощью денег, что все можно купить. К сожалению, во многом это справедливо. Да, все или почти все продается или покупается, будем реалистами. Такова действительность. Но обязательно, просто непременно у каждого на пути будут ситуации, выход из которых будет невозможен благодаря деньгам. И неизвестно, где и когда они возникнут. И какое значение они будут иметь. Может это будет чем-то личным. А может - делом государственной важности. Не предугадать. Ясно одно - невозможно будет их решить, не имея за плечами реального жизненного опыта, который приходит только с практикой. Настоящей практикой, выдержавшей многие шишки от граблей, а не практикой своевременной оплаты предоставляемых рынком услуг. Именно приобретение иллюзорных представлений о путях решения проблем может иметь самые деструктивные последствия для человека.

Можно весело и легко идти по жизни с кошельком в руке, отмахиваясь им от излишнего напряжения. А можно - проявлять упорство и старание, в конечном счете гордо сказав: "Я это сделал!". Выбор за Вами! **Ω**

Анализировал ситуацию
Артем Соколов

М.М. Дьяконов *

Десять лет Исторического факультета

В мае 1944 г. Исторический факультет отметил знаменательную дату - десятилетие постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории в школе и о восстановлении исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах.

16 мая состоялось совместное заседание партийной организации и Ученого совета Исторического факультета.

На заседании с докладом выступил декан Исторического факультета проф. С.П. Толстов. Он отметил значение для исторической науки постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР. «Этот документ, - сказал проф. Толстов, - нанес решительный удар тому безответственному, ликвидаторскому отношению к исторической науке, которое до этого решения в течение целого ряда лет господствовало в научных учреждениях, в том числе и в Московском университете».

Проф. Толстов охарактеризовал те трудности, с которыми на первых порах встретился факультет. Он говорил об извращениях

истории «школой» Покровского, которая требовала преодоления, о борьбе с врагами народа, проникшими на первых порах в стены факультета. Однако, здоровый коллектив профессоров и преподавателей факультета, под руководством партийной организации, выполняя указания руководящих органов нашей партии и правительства, сумел справиться с этими болезнями.

Несмотря на трудности военного времени, факультет в последние годы продолжал крепнуть и расти и приходит к своему первому десятилетию как крепкий научно-учебный и научно-исследовательский коллектив, располагающий всеми возможностями, чтобы занять ведущее место в нашей стране.

К маю 1944 г. факультет имел 76 профессоров и преподавателей, из них 2 академиков, 6 членов-корреспондентов Академии наук, 32 профессора-доктора и 8 профессоров-кандидатов. 10 человек из профессорско-преподавательского состава являются лауреатами Сталинской премии. За десять лет своего су-

ществования факультет выпустил около 500 историков, работающих по всей стране в средней и высшей школе. Несколько десятков молодых ученых прошли подготовку в аспирантуре при факультете. Большая группа выпускников факультета находится в рядах Действующей армии. Они с достоинством и честью несут имя советских граждан, патриотов своей родины.

Все это говорит о том, что Исторический факультет воспитывает настоящих советских людей, специалистов своего дела.

Кроме непосредственной педагогической работы, факультет участвовал в большой плодотворной деятельности по составлению учебников для высшей и средней школы. Достаточно упомянуть здесь основные учебники для средней школы: Панкратовой по истории СССР, Мишулина по древней истории, Косминского по истории средних веков и Ефимова по новой истории. Коллектив исторического факультета принял активное участие и в составлении и редактировании учебников для высшей школы.

*Михаил Михайлович Дьяконов (1907-1954) - советский востоковед, историк Ирана, искусства и культуры стран Ближнего и Среднего Востока, археолог.

Всем известны учебники по древней истории В.С. Сергеева, по истории средних веков Е.А. Косминского и А.Д. Удальцова, по новой истории А.В. Ефимова, учебник по истории СССР, составленный под редакцией и при участии Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, А.М. Панкратовой и В.И. Лебедева. Кроме того, издан ряд специальных курсов, читанных на факультете.

Работа над учебниками являлась не только учебно-методической, но и большой творческой работой, поскольку нужно было заново построить единую систему преподавания, основанную на базе марксистско-ленинского понимания истории, преодолеть социологические схемы, характерные для времени господства «школы» Покровского. Работа над учебниками оживила интерес к большим историческим проблемам, способствовала появлению больших монографических трудов и исследований по частным вопросам.

Переходя к задачам, стоящим перед факультетом, проф. Толстов остановился на ряде недостатков, еще дающих себя знать в работе советских историков. Так, недостатком наших учебников до сих пор является слабое освещение роли других народов, которые вместе с русским народом, входя в состав единого государства, борются за создание социалистического общества. Этот недостаток

может быть устранен лишь после написания ряда специальных исследований, посвященных истории взаимоотношений, взаимосвязи русского народа с другими народами СССР на протяжении всего их исторического развития. Этот вопрос связан и с другим вопросом - историей великой освободительной борьбы русского народа с иноземными захватчиками. И в этой области нами сделано еще очень мало, а освещение этой темы является благородной задачей советских историков.

Изучение русской культуры, культуры всех народов Советского Союза - вот еще одна необходимая задача советской исторической науки.

Немало и других важных задач ждет своего разрешения. Перед советским историком открыто широчайшее поле деятельности, и коллектив Исторического факультета должен принять самое активное участие в разработке всех вопросов, волнующих сейчас наш народ, нашу науку.

За научными проблемами не следует забывать и нашей учебной работы. Мы должны всемерно улучшать методику, повышать качество преподавания. Мы должны бороться за то, чтобы общие курсы всегда носили исследовательский характер. Индивидуальное творчество профессора должно

всегда быть на первом плане. Мы должны также повышать качество наших семинаров, превращать их в подлинную кузницу марксистско-ленинского мировоззрения, должны научить студента правильно обращаться с источниками, готовить его к будущей педагогической и научной работе.

Большой учебно-организационной задачей является переход на четырехлетнее обучение, осуществляемый в этом году.

Вся предыдущая работа Исторического факультета показала, что наш коллектив способен справиться с почетными и ответственными задачами, которые ставят перед нами партия и правительство, и историческая наука в Московском университете будет достойна и славных традиций старейшего русского университета и исторической науки нашей великой советской страны.

<...>

Собрание послало письмо товарищу Сталину. Заседание закончилось исполнением гимна Советского Союза. **Ω**

*Материал публикуется по изданию:
«Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», 1945 г.,
вып. 1*

М.В. Нечкина. Душа поэта

Имя академика Милицы Васильевны Нечкиной знакомо каждому студенту-историку. Ее знают, как выдающегося специалиста по истории России XIX века, автора многочисленных работ по истории декабризма, создательницу учебника для ВУЗов, по которому более 30 лет учились студенты... Однако на этот раз, отступив от традиционного перечисления всех заслуг, научных степеней и званий этой несомненно величайшей исследовательницы, мы обратимся к другой, почему-то многим не известной Нечкиной, Нечкиной – поэтессе.

М.В.Нечкина (1901 - 1985) начала писать стихи с 6 лет. «Самое первое, - признавалась она в 1938 году, - было на политическую тему – о 1905 годе, рассказы о нем взрослых произвели на меня сильное впечатление. В детских стихах преобладали описания природы (в частности, Кавказа) и дразнилки, адресованные сестрам и брату. Но чаще всего в это время (от 6 до 10 лет) я писала рассказы – преимущественно о рыцарях, заколдованных замках, разбойниках и кладах.

В возрасте 11-14 лет стихов стало больше, преобладали философские темы о тщете всего земного, неизбежности страдания, суете сует и необходимости умереть молодой. Были так же исторические стихотворения. Потом был довольно долгий перерыв. Вновь я стала писать с 19 лет».

Все, что имею, дарю без слов
В теплой июльской тиши.
Нечего дать тебе, кроме стихов
И кроме моей души.

Полный любви и девичьих грез.
Дар мой беден и мал.
Ты улыбнулся, стихи унес,
Только души не взял.

В Ульяновском краеведческом музее хранится тетрадь стихов М.В. Нечкиной, посвященных поэту В.И.Эрлиху во время их учебы в Казанском Университете. С тех пор Нечкина подготовила к печати более 500 стихотворений, вошедших в сборники «Книга об ожидании», «На пути к любви», «Солнце сквозь листья». Однако при жизни историка-поэтессы было опубликовано лишь три, одно из которых было переводом французского стихотворения декабриста Барятинского – в изданных Нечкиной «записках декабриста Н.И.Лорера». В те времена стихотворчество считалось слишком несерьезным для людей, занимающихся наукой. Мысль о публикации сборников Нечкиной пришлось оставить... Ее рукописи со стихами сохранились в архиве РАН, вместе с приложенной к ним запиской с просьбой напечатать их «хотя бы после смерти», и стали в дальнейшем

экспонатами документально-художественной выставки «Музы в храме науки», проводившейся в РАН.

Хочу быть роялем.
Из письма

Исчезнуть.
Вдруг ответить тишиною
На крик своих восторгов и мучений.
И стать твоей – неслыханной ценою
Нежнейшего из перевоплощений.

Вот крышка черная.
Под нею – ожиданье
Из тихих струн лежащей арфы вроде.
Вот налетел бушующим рыданьем
Прибой неумирающих мелодий.

Из смерти – жизнь. И к новой жизни чтобы
Воскресла я, и ты – и я с тобою.
Ты без меня бессилен. Только оба
Даем мы жизнь поющему прибою.

Принадлежать твоей певучей славе
И крепости твоей неутомимой,
Лечь пред тобой покорным рядом клавиш –
Навеки нужной и всегда любимой.

Сама мечта Нечкиной исполнилась лишь в 2003 году благодаря книге Ады Сванидзе «Вторая Муза историка» (М, Наука, 2003), включившей в себя «Книгу об ожидании» в числе прочих художественных произведений 42 российских историков XX в. Увы, тираж ее составил всего тысячу экземпляров, мелочь в масштабах нашей страны. Однако, публикуя стихи М.В. Нечкиной здесь, хочется верить, что это поможет еще кому-то лучше понять эту выдающуюся исследовательницу и увидеть за фамилией автора многочисленных монографий не просто абстрактный образ академика и профессора, а живого человека, Женщину, с ее душой и внутренним миром. Ω

Прощание

Родной мой!
Я люблю тебя.
Сильнее любви не бывало
на свете.
Я преображаюсь,
Когда слышу твои шаги,
Поднимающиеся по ступенькам,
И привычный стук - тихонько
три раза...
Я становлюсь совсем другою -
Счастливейшею из женщин, -
Когда руки твои ложатся
на плечи.
Когда губы твои прижимаются
к губам.
Когда легкие снежинки
на твоих бровях и ресницах
Тают от тепла моих губ.
Я люблю серые крапинки
в синеве взора,
Быстрый поворот головы
на оклик,
Сдержанный смех в уголках глаз,
И теплоту мужественных рук, -
Сожмут, - и бояться, что больно...
И способ перелистывания книг -
От верхнего уголка страницы,
И удивительное умение
Быстро принимать решения.
И не устать
После трех ночей
В кипеньи работы.
Родной мой,
Я люблю тебя!
Я прожила с тобою
Всю совою долгую жизнь,
Не расставаясь ни на минуту
В самые черные дни.
Но страшное несчастье
Состоит в том,
Что тебя никогда не было.
Я никогда не видела тебя,
Ты никогда не встречался со
мною.
Тебя не существовало.
Ты никогда не поднимался
по лестнице
И никогда не стучал в дверь.
И я не знаю,
Как ты стучишь, -
Три раза или иначе.
Твои руки
Никогда не ложились
на мои плечи,

И губы
Никогда не прижимались к моим.
И понятно, что снежинки
На твоих бровях и ресницах
Не могли таять
От тепла моих губ...
Тебя никогда не было.
Это я тебя придумала.
Вот и все.
На этом можно кончить.
Но ты никогда не понимаешь,
что я не могу
Кончить на этом.
Я всю жизнь ждала тебя.
Всю жизнь, - ведь дольше,
чем жизнь,
Ждать не возможно.
Я всю жизнь ждала
Легких шагов,
Стука в дверь,
Твоего поцелуя,
Прикосновенья твоих рук
Но ты не пришел, а жизнь прошла.
Я пряталась от горя в книги.
Я измеряла жизнь шорохом
страниц -
Вместо часов:
Вот прошла минута -
И пальцы легли на уголок
страницы,
Вот прошла другая -
И страница перевернулась.
На мое горе глядели
Библиотечные полки.
Шли годы, и полки становились
выше,
И книг становилось больше.
Я сама их писала.
И когда из типографии
Приносили тугую пачку
Авторских экземпляров
Все думали: «Счастливая
женщина!»
А я думала: «Вот прошел еще год,
А я его не встретила...»
Вот это самое страшное.
Я знаю, ты жил не свете,
Даже, может быть, сейчас живешь
Или будешь жить.
Просто я тебя не встретила.
Как просто!
Ты - настоящий.

Ты - живой - из плоти и крови.
Иначе, почему же
Я так ясно вижу тебя.
И знаю твое имя,
И рост, и поступь, и цвет глаз,
И голос, - я его узнаю из тысячи.
Я давно заметила
Что дель Сарто
Положил твои тени у глаз
Иоанна Крестителя,
А Леонардо да Винчи
Нарисовал твои руки
У Христа на тайной вечере.
Значит ты жил на свете!
Или, может быть, ты еще
будешь жить,
Когда я умру, - через сто лет
или больше.
Просто я тебя не встретила.
Как просто.
Родной мой,
Не было минуты,
Чтобы я не искала тебя.
Я не виновата, что не нашла,
А жизнь закончилась...
Седеющий профессор
поднимается
на кафедру -
Женщина в темном платье -
И говорит:
«Сегодня лекция
Будет посвящена тому-то...»
Отчаяние!
Мне больше нечего сказать, -
Ты видишь -
Я говорю простыми словами,
Первыми попавшимися...
Я не могу
создать о своем горе
ни образов, ни рифмованных
строчек.
Но, уходя из жизни,
Родной мой,
Я кладу свои легкие руки
На твои сильные плечи,
И губы
Прижимаются к твоим
И снежинки
На твоих бровях и ресницах
Тают от прикосновения
Моих губ...

*Стихами М.В. Нечкиной
восхищалась
Виктория Ткаченко*

Смена курсов, смена поколений... Не успеваешь оглянуться, а рядом с тобой, в соседних аудиториях, учатся новые люди, новые первокурсники. А кто они - первокурсники истфака набора 2008 года? Мы попросили ответить на этот вопрос двух разных студентов и сравнить их мнения.

Первый раз на первый курс

Денис Столяров, 1 курс:

Очень сложно сказать что-нибудь в целом о двух сотнях человек, с которыми проучился всего два месяца. Но все же можно выделить несколько особенностей, которые объединяют их всех. Например, среди них нет обычных людей. Знаете, таких, у которых на лбу почти что написано «обычный». Да, у меня есть чудаковатые, эрудированные, красивые, надменные, спортивные, забавные однокурсники, но нет таких, к которым остаешься равнодушным, сколько бы не общался.

Еще одна особенность – здесь нет случайных людей. На таких «престижных» факультетах, как экономический, юридический, наконец, государственного управления, всегда есть ребята, поступившие по наущению родителей, имея лишь смутные идеи о будущей успешной карьере. Здесь же, напротив, солидные парни в костюмах трогательно рассказывают о своей детской любви к легендам о короле Артуре, а шикарные девушки произносят длинные восторженные монологи, посвященные цивилизации инков.

В целом же люди делятся на два типа: тех, кто с семи лет занимается историей и под словом «классика» подразумевает Ключевского и Соловьева, и тех, кто знает историю хуже, но при этом интересуется идеями Кастанеды и с увлечением читает Гессе и Фрейда. О Фрейде разговор особый: никогда бы не подумал, что добрая половина курса, в том числе и не самые «усердные» студенты, почему-то чрезвычайно любят именно Фрейда и готовы со всяким обсуждать его мысли и теории.

На коллоквиумах проявилась еще одна черта однокурсников – сплоченность в условиях критической ситуации. Каждый старался помочь соседу, поделиться шпаргалками, подсказать, просто показать уверенность в его возможностях. Здесь не было конкуренции, часто существующей в школе – в большинстве случаев успех другого вызывал радость, а не угрюмое уныние зависти.

Не знаю, возможно, вышесказанное относится ко всем студентам истфака и не является чем-то уникальным, тем не менее, от своего курса я в восторге. **Ω**

Кристина Буйнова, 4 курс:

По некоторым наблюдениям, каждый курс воспринимает новых «первокурсников» по-разному. Так, например, второй курс обычно осторожничает в вынесении вердикта. Ошарашенных сессиями студентов мучает любопытство: а какие будут они? Чем они отличаются от нас? Что скажут о них наши преподаватели?

Третий курс закален уже четырьмя сессиями, познал все прелести досуга в Историчке и принял жизненно важное решение в выборе кафедры. Он видит в первокурсниках «малышей», которым еще только предстоит пройти огонь (пылающий кострами средневековых *auto da fe*), воду (сбивающую с ног количественными методами) и медные трубы (поблескивающие экзотическими историей славян и историей стран Азии и Африки).

На четвертом курсе кого-то одолевает нестерпимая тоска по безвозвратно уходящему студенчеству, кому-то становится мучительно больно за бесцельно прожитые годы, кого-то подкашивает усталость и апатия. Первый курс превращается в объект умиления и белой зависти. Ведь чем дальше, тем лубочнее кажутся нам наши успехи и смешнее – проблемы. И мы предаемся ностальгии, успокаивая первокурсников, что коллоквиум – это не больно, зачет – не страшно, а лектор N на самом деле – милейший человек!

С нынешним первым курсом мы успели познакомиться уже за сентябрь-октябрь во время целого ряда мероприятий: Посвящения первокурсников, поездок в Звенигород и Абрамцево, похода на природу с ночевкой. Уже сам этот список говорит за себя: ребята очень любознательные и активные. Кроме того, они показали себя людьми воспитанными и организованными, творческими и доброжелательными. Теперь радостно встречать первокурсников в бесконечных лабиринтах учебного корпуса и знать многих по именам и помнить по каким-то ситуациям.

Хочется, чтобы ребята знали, что мы всегда готовы им помочь: подсказать где-куда, объяснить, кто-что. Надеюсь также, что наша совместная работа и общение продолжатся и останутся такими же радостными и плодотворными! **Ω**

Истфак поистине факультет талантов. А тот, кто в этом сомневается, пусть заглянет в наш "Уголок творчества". Здесь мы будем публиковать литературные произведения наших студентов.

Елена Новоселова

*Позабудь про камин,
в нем погасли огни...*

Бесцельно прожитые годы...
Вином тоску давай зальем!
Не зря же мы с тобой невзгоды
Терпели насилу вдвоем?

Не зря же мы любовь с тобою
Деся, распяли на кресте?
Невыносимую мечтою
Не насладились мы вполне.

Скажи, мой друг, зачем весною,
Уж много, много лет назад
Судьбу свою с твоей судьбою
Связать навеки был я рад?

И что потом случилось? Знаю...
Но нестерпимо помнить мне
Как ты ушла... Я понимаю,
Что нет покоя на земле.

Бесцельно прожитые годы -
Удел мечтающих людей...
Но гнев причудливой погоды
Еще питает сласть полей.

Позабудь про камин: в нем погасли огни;
Ты всмотришь в величавость заката!
Этот мир - божество, как и очи твои...
Как мы были прекрасны когда-то!

Позабудь про камин: в нем огонь не горит.
Не смотри в этот темный холод.
Мы много грешили, но Господь нас простит,
Как и всех, кто горяч был и молод.

Позабудь про огни, позабудь про угли,
Что теплятся в недрах камина.
Лучше вспомни о нашей сторевшей любви
И о том, что ее погубило...

Быстрее, к небу! В высоту!
Своим стремлением горя,
Мы покоряем пустоту,
Очами буйными светя.

Мы все пытаемся сыграть
Главенства дьявольскую роль,
Судьбе-злодейке уж сказать:
"Я - власть! И я теперь король!"

И не хотим своей душе
Позволить песнь ее допеть,
И в сонной, кроткой тишине
К печальным звездам улететь...

Наши преподаватели любят не только блеснуть своими глубокими знаниями и первоклассными научными навыками, но и порадовать студентов своим юмором. Одним словом...

Историки

шутят

об историках-студентах:

Есть такая хворь, сам ею хворал. Это гуманитарная спесь. Каждый из нас хвалится и гордится своими знаниями, интуицией. Ну, признаемся себе - разве не гений? Ну гений же, гений!

и еще одно

Есть представители самоубийц в клубе? Надо было раньше признаваться, что у вас есть суицидальные наклонности в области палеографии.

о Людовике XIV:

В прошлый раз мы разбирали Людовика Солнце, солнышко наше Людовика...

об особенностях каллиграфии летописцев:

Русские писцы отрывались на «кси».

и еще одно

У (ученик): Звахуться - это одно слово?

П (преподаватель): Попробуйте разделить на три!

о дневниках как историческом источнике:

Можно сперва прочитать дневник и сказать: «О! Да он же просто тупой!»

и еще одно

Женские дневники интереснее мужских... мне, по крайней мере.

о гипотезах существования особой русской азбуки до кириллицы и глаголицы:

Понадобилось аж два академика, Рыбаков и Янин, чтобы это великое открытие закрыть. После большого шума наступил большой срам.

о большевиках:

Шляпников был единственным большевиком, который был в Петрограде в феврале 1917 года. Остальные были либо в Швейцарии, либо в коматозном состоянии.

о бессубъектных источниках (т.е. не созданных человеком непосредственно, скажем, природные свидетельства о катастрофах):

У: Как я понимаю, по бессубъектным источникам изучаются в основном трагедии.

П: Ну очевидно, что где-то и комедии!

о русских гвардейцах:

Гвардейцу желательно было иметь извозчика-лихача. Лихач - это иномарка, вроде BMW 7-го класса.

Главный редактор: Виктор Кириллов.

Редакция: Анастасия Чибисова (Ливдан),

Виктория Ткаченко, Артем Соколов.

Фотограф: Майя Розинава.

Координатор проекта: А.Е. Тарасов.

Тираж: 300 экз.

Наш адрес: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет МГУ, ком. Е-222.

Издание свободно распространяется на территории Первого учебного корпуса МГУ.

Мнение авторов статей и общее мнение редакции могут не совпадать.